

DOI: 10.31857/S013038640018318-7

© 2022 г. Д.В. СТЕРХОВ

ГАННОВЕРСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПРУССИИ В НАЧАЛЕ XIX века (1801–1806 годы)

*Стерхов Дмитрий Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*

E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com

Scopus Author ID: 57202980490; ORCID: 0000-0003-3173-793X

Аннотация. Цель исследования — оценить роль и значение ганноверского вопроса как самостоятельного направления внешней политики Пруссии в начале XIX в. В вводной части статьи рассматриваются истоки ганноверского вопроса как международной проблемы, а также анализируются мотивы, побудившие прусского короля Фридриха Вильгельма III к аннексии Ганновера. Особое внимание уделяется влиянию внешней политики на внутреннюю стабильность прусского государства, территория которого была не единой, а население — разнородным. Для восстановления внутреннего равновесия, нарушенного завоеванием на востоке польских земель с католическим населением, как нельзя лучше подходило присоединение населенного немцами-протестантами курфюршества Ганновер на западе. Также проводится прямая взаимосвязь между ганноверским вопросом и политикой нейтралитета, которую проводила Пруссия в 1795–1806 гг. После неудачной оккупации Ганновера в 1801 г. Фридрих Вильгельм III стремился присоединить курфюршество исключительно мирным путем и добиться признания этой аннексии со стороны Франции, Англии и России, в связи с чем был вынужден постоянно лавировать между Наполеоном и антифранцузской коалицией. Такая политика оказалась несостоятельной и привела Пруссию к войне с Англией и невыгодному союзу с Францией. Ганноверский вопрос сыграл решающую роль в присоединении Пруссии к Четвертой коалиции и франко-прусской войне 1806–1807 гг., в которой Пруссия потерпела сокрушительное поражение. В то же время неудача в ганноверском вопросе побудила Пруссию перейти от политики нейтралитета и лавирования к силовому решению внешнеполитических задач.

Ключевые слова: Пруссия, Ганновер, внешняя политика, Наполеоновские войны, Фридрих Вильгельм III, нейтралитет.

D.V. Sterkhov

The Hanoverian Question and Prussian Foreign Policy in the Early Nineteenth Century (1801–1806)

Dmitrii Sterkhov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com

Scopus Author ID: 57202980490; ORCID: 0000-0003-3173-793X

Abstract. This study explores the significance of the Hanoverian Question for Prussian foreign policy in the early nineteenth century. The author looks at the origins of the Hanoverian Question and analyses

Prussian motives for annexing Hanover in the first part of the article. Special attention is paid to the relationship between Prussian foreign policy and Prussian domestic stability. The political system in Prussia was severely unbalanced by the capture of vast swathes of Polish territory to the east, populated mostly by Catholics. To restore the balance, the Prussian state badly needed a German-speaking and Evangelical province to the west, and only the Electorate of Hanover met these requirements. The Hanoverian Question went hand in hand with the neutrality policy pursued by Prussia between 1795 and 1806. After the unsuccessful occupation of Hanover in 1801, Prussian King Friedrich Wilhelm III committed himself solely to the peaceful annexation of the Electorate, which had to be recognised internationally, above all by France, Great Britain, and Russia. Forced to manoeuvre between Napoleon and the Anti-French Coalition, Prussia eventually gained possession of Hanover, but found itself at war with both Great Britain and France. Thus, the delicate Hanoverian Question paved the way for the War of the Fourth Coalition of 1806–1807, which ended in Prussia's worst defeat. One can conclude that Prussia failed to resolve the Hanoverian Question satisfactorily, yet this diplomatic setback was instrumental in changing Prussian foreign policy. After 1806 Prussia finally abandoned its policy of neutrality and manoeuvring appeared more willing to use force to achieve its goals.

Keywords: Prussia, Hanover, foreign policy, Napoleonic Wars, Friedrich Wilhelm III, neutrality.

В начале XIX в. основным направлением внешней политики королевства Пруссия являлась борьба за гегемонию в северной Германии. В рамках этого направления прусская политическая элита пыталась решить так называемый ганноверский вопрос — сложную международную проблему, связанную с претензиями сразу трех великих держав, а именно Великобритании, Франции и Пруссии, на курфюршество Ганновер. В научной литературе ганноверский вопрос, как правило, рассматривается в контексте международных отношений начала XIX в. Это касается, к примеру, работ Пола Шрёдера¹ и Амира Бернштайна². Большое внимание в историографии уделяется англо-ганноверской унии и ганноверской проблеме как части британской внешней политики³. Применительно к Пруссии ганноверский вопрос анализируется в рамках прусской политики нейтралитета, именно в таком ключе затрагивает эту тему австралийский историк Филипп Дуайер⁴. Прусские попытки решить ганноверский вопрос в свою пользу бегло упоминаются в общих работах, посвященных истории Пруссии конца XVIII — начала XIX в.⁵ Комплексную оценку роли и значения ганноверского вопроса для внешней и внутренней политики Пруссии, однако, эти работы не дают. Крупных исследований по данному вопросу в отечественной историографии не проводилось.

История ганноверского вопроса восходит к XVII в. В 1609–1614 гг. курфюрст Бранденбурга Иоганн III Сигизмунд Гогенцоллерн принял участие в войне за Клевское наследство, получив по ее итогам небольшие территории на Рейне — герцогство Клеве, графства Марк и Равенсберг. Северо-западная часть Священной Римской империи

¹ *Schroeder P.W.* The Transformation of European politics. 1763–1848. Oxford, 1994. P. 220–222, 253–255.

² *Bernstein A.D.* Von der Balance of Power zur Hegemonie. Ein Beitrag zur europäischen Diplomatiegeschichte zwischen Austerlitz und Jena/Auerstedt 1805–1806. Berlin, 2006.

³ *Riotte T.* Hannover in der britischen Politik (1792–1815). Dynastische Verbindung als Element außenpolitischer Entscheidungsprozesse. Münster, 2005; *Harding N.* Hanover and the British Empire 1700–1837. Woodbridge, 2007; The Hanoverian Dimension in British History, 1714–1837 / eds B. Simms, T. Riotte. Cambridge, 2007.

⁴ *Dwyer Ph.G.* Prussia and the Armed Neutrality: The Invasion of Hanover of 1801 // The International History Review. 1993. Vol. 15. № 4. P. 661–687; *Edem.* Two Definitions of Neutrality: Prussia, the European State-System, and the French Invasion of Hanover in 1803 // The International History Review. 1997. Vol. 19. № 3. P. 522–540.

⁵ *Simms B.* The Impact of Napoleon. Prussian High Politics, Foreign Policy and the Crisis of the Executive, 1797–1806. Cambridge, 1997; *Kittstein L.* Politik im Zeitalter der Revolution. Untersuchungen zur preußischen Staatlichkeit 1792–1807. Stuttgart, 2003.

состояла на тот момент из огромного количества светских и духовных феодальных княжеств, на фоне которых особенно выделялось герцогство Брауншвейг-Люнебург-Каленберг. Его правитель, герцог Эрнст Август, с начала 1680-х годов планомерно добивался своего принятия в коллегия курфюрстов. Несмотря на все трудности, в 1692 г. Эрнст Август получил от императора Леопольда I желанный титул. Значительную дипломатическую поддержку Эрнсту Августу оказал его зять, муж его дочери Софии Шарлотты — курфюрст Бранденбурга Фридрих III⁶. Сам Фридрих также стремился повысить свой статус и стать королем Пруссии, что ему удалось сделать в 1701 г.

Несмотря на династические связи и общие политические интересы, отношения между Бранденбургом-Пруссией и Ганновером не всегда складывались благоприятно. Рейнские владения Пруссии были отрезаны от основной части королевства сильным курфюршеством, которое к тому же само предъявляло претензии на роль гегемона в северной Германии. Невероятным успехом для ганноверских курфюрстов стало их восшествие на английский престол в 1714 г. С этого момента Ганновер находился в личной унии с Великобританией, являясь главным владением британских королей на континенте. Прусских правителей не устраивало такое возвышение соперников. Дважды, в 1729 и 1733 гг., Пруссия и Ганновер оказывались на грани войны⁷. Ситуация изменилась лишь в годы Семилетней войны 1756—1763 гг., когда Великобритания и Ганновер стали главными союзниками прусского короля Фридриха II Великого. Англо-ганноверские войска под командованием герцога Карла Вильгельма Фердинанда Брауншвейгского успешно отбивали все атаки французов, прикрывая тылы Фридриха на западном фронте. Ганновер также являлся основным партнером Пруссии по Союзу князей, созданному Фридрихом II в 1785 г. против Австрии. Вместе с Пруссией Ганновер также участвовал в военных действиях против революционной Франции в 1792—1794 гг. Ганноверская армия, в ней тогда служил будущий военный реформатор Герхард фон Шарнхорст, была задействована преимущественно в Австрийских Нидерландах⁸. Вслед за Пруссией в 1795 г. Ганновер заключил в Базеле сепаратный мир с Францией, который предусматривал создание на севере Германии нейтральной зоны, находящейся под протекторатом прусского короля. В связи с вхождением в нее Ганновера английские войска были вынуждены покинуть территорию курфюршества, а английский монарх Георг III оказался в парадоксальной ситуации: как ганноверский курфюрст он заключал мир с Францией, но как король Великобритании он продолжал с ней войну. Это было первое противоречие в личной унии Ганновера и Великобритании.

Базельский мир 1795 г. стал переломным моментом во взаимоотношениях между Пруссией и Ганновером. Последний фактически лишился покровительства и защиты британского короля и вошел в сферу прусского влияния в северной Германии. В это время внутри политической элиты прусского королевства обсуждались два возможных направления дальнейшей территориальной экспансии. Карл Август фон Гарденберг, бывший в 1790-е годы министром во франконских княжествах Ансбах и Байройт, выступал за продвижение Пруссии в южную Германию. Он полагал, что Австрия слишком занята войной с Францией, а Бавария, Баден, Вюртемберг и другие южногерманские княжества настолько слабы, что не смогут оказать Пруссии должного сопротивления. В планы Гарденберга входила аннексия всего Верхнего Пфальца, епископств Айхштетт и Бамберг, а также Швайнфурта, Ротенбурга, Нюрнберга и других имперских городов⁹. Противоположной точки зрения придерживался министр иностранных дел Пруссии Кристиан фон Хаугвиц, который настаивал на экспансии Пруссии в северную и северо-

⁶ Göse F. Friedrich I. Ein König in Preußen. Regensburg, 2012. S. 193.

⁷ Kathe H. Der Soldatenkönig: Friedrich Wilhelm I., 1688—1740, König in Preussen: eine Biographie. Köln, 1981. S. 125.

⁸ Hornung K. Scharnhorst. Soldat — Reformier — Staatsmann. Ein Lebens- und Zeitbild. Gilching, 2013. S. 40—43.

⁹ Gall L. Hardenberg. Reformier und Staatsmann. München, 2016. S. 91.

западную части Священной Римской империи, населенной преимущественно протестантским населением. В 1796 г. Хаугвиц впервые заговорил о необходимости аннексии Ганновера до того, как это сделают французы. Точку в спорах между сторонниками северного и южного направлений поставил прусский король Фридрих Вильгельм III, взошедший на престол в 1797 г. Он полностью поддержал Хаугвица и окончательно отказался от любых проектов по экспансии Пруссии в южную Германию.

Почему Фридрих Вильгельм III остановился на северном направлении? Этот выбор можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, католические южнемецкие земли никогда не входили в сферу интересов протестантской Пруссии. Во-вторых, прусская экспансия на юг Германии могла натолкнуться на ожесточенное сопротивление Австрии, вражды с которой Фридрих Вильгельм III стремился избежать. В-третьих, главным инструментом внешней политики Фридрих Вильгельм III избрал нейтралитет, т.е. неучастие Пруссии в вооруженных конфликтах, в том числе в коалициях против Франции. Сохранение нейтралитета объяснялось не только миролюбивым характером молодого короля, испытывавшего отвращение к ужасам войны, но в первую очередь плачевным состоянием прусских финансов, не позволявших вести широкомасштабные военные кампании. Отец Фридриха Вильгельма III, Фридрих Вильгельм II, потратил огромные средства на войны как с революционной Францией на западе, так и с польскими повстанцами на востоке, оставив сыну огромный долг в 55 млн талеров¹⁰. Кроме того, немалых средств требовала интеграция в состав прусского государства новых провинций на востоке, приобретенных в ходе второго и третьего разделов Речи Посполитой в 1793 и 1795 гг. В этих условиях Фридрих Вильгельм III старался избегать внешнеполитических авантур и строго придерживался курса на нейтралитет. С точки зрения внутренней интеграции северное направление внешней политики представлялось более выгодным, чем южное, так как давало возможность Пруссии укрепиться в регионе, расположенном максимально близко к ее центральным провинциям.

В северной части Германии имелась на тот момент лишь одна территория, которую можно было присоединить к Пруссии без особых, как считалось, усилий, — Ганновер. Курфюршество действительно казалось легкой добычей, так как его никто не защищал, британские войска были эвакуированы с его территории, а сама ганноверская армия была настолько слабой, что не смогла бы оказать никакого сопротивления внешней агрессии. Немаловажным для Фридриха Вильгельма III было и то, что Ганновер можно было аннексировать мирным путем без вступления в войну и коалиции, т.е. без нарушения столь важного для короля принципа нейтралитета. Кроме того, Ганновер было очень легко интегрировать в состав прусского королевства, так как в курфюршестве проживали только немцы, к тому же протестанты. Аннексия Ганновера позволила бы решить и другую давнюю проблему: объединить разбросанные по Рейну разрозненные территории в единую централизованную провинцию, что, безусловно, способствовало бы внутренней консолидации прусского государства. Территориальный разрыв между центральными и рейнскими провинциями был бы преодолен, а Пруссия получила бы хорошо защищенную западную границу. Наконец, бескровная аннексия Ганновера могла значительно поднять престиж и авторитет Пруссии на международной арене, а также укрепить ее гегемонию в северной Германии. Брошенный на произвол судьбы англичанами Ганновер казался созревшим яблоком, которое рано или поздно должно было само упасть в руки Фридриха Вильгельма III.

С другой стороны, оккупация Ганновера неизбежно привела бы к конфликту с Великобританией, а король Георг III не собирался отказываться от своих прав на курфюршество. В этой связи Пруссии требовалась дипломатическая поддержка со стороны других

¹⁰ *Lange S. Preußens asymmetrische Herausforderung — preußische Politik und Armee am Vorabend der Schlacht bei Jena und Auerstedt // Jena 1806: Vorgeschichte und Rezeption / hrsg. von K.-H. Lutz, M. von Salisch. Potsdam, 2009. S. 18.*

европейских стран. Фридрих Вильгельм III решил действовать через Россию, тем более что император Павел I сначала был союзником Великобритании, а потом стал ее противником. В декабре 1800 г. Россия, Дания, Швеция и Пруссия заключили конвенцию против Великобритании, известную как «второй вооруженный нейтралитет». Фридрих Вильгельм III не рассматривал эту конвенцию как коалицию, направленную против Британии, формально Пруссия оставалась нейтральной. В феврале 1801 г., Россия и Франция дали Пруссии свое согласие на оккупацию Ганновера, и уже 1 апреля 1801 г. прусская армия вступила на территорию курфюршества. Вместе с курфюршеством в руках пруссаков оказались устья рек Эльба и Везер, ограничение передвижения по ним могло нанести колоссальный ущерб английской торговле на континенте¹¹. Однако прусское правительство не учло, что, получив Ганновер не путем захвата, а с одобрения Франции и России, Пруссия в любой момент могла лишиться его, если бы международная обстановка внезапно изменилась. Это в конечном счете и произошло: император Александр I, взошедший на российский престол в 1801 г. взял курс на сближение с Англией, также наметилось временное умиротворение англо-французского конфликта. В этих условиях Пруссия более не имела оснований удерживать Ганновер, мотивируя свое присутствие здесь русской или французской угрозой. Дальнейшая оккупация курфюршества могла привести к войне один на один с Великобританией, чего Фридрих Вильгельм III желал избежать во что бы то ни стало. В ноябре 1801 г. прусский король принял нелегкое решение о выводе своих войск из Ганновера, провинция вновь вернулась под власть английского короля Георга III¹².

Кратковременная оккупация Ганновера в 1801 г. вылилась в настоящую дипломатическую катастрофу для Пруссии. Впервые с 1795 г. политика нейтралитета дала сбой, стало очевидным, что она неспособна принести королевству новые территориальные приобретения, но отказываться от нее Фридрих Вильгельм III все равно не собирался. Прусское правительство вновь вернулось к ганноверскому вопросу весной 1803 г., когда Англия и Франция в очередной раз стояли на пороге войны. На этот раз французская угроза была вполне реальной, так как Наполеон совершенно не скрывал, что планирует отобрать Ганновер у англичан, дабы нанести им существенный урон на континенте. В мае 1803 г. Фридрих Вильгельм III провел совещание со своими приближенными по поводу ганноверского вопроса. Мнения в окружении монарха разделились: часть министров во главе с графом Хаугвицем настаивала на немедленной оккупации Ганновера даже при угрозе войны одновременно и с Англией, и с Францией. Другая часть, во главе с герцогом Карлом Брауншвейгским, настаивала на сохранении нейтралитета и отказе от Ганновера. Помня о провале 1801 г., Фридрих Вильгельм III поддержал сторонников нейтралитета. Следствием этого решения стало вторжение французских войск в Ганновер во главе с генералом Эдуардом Мортье в начале июня 1803 г. Великобритания вновь не оказала помощи ганноверской армии, которая без сопротивления капитулировала у местечка Зулинген 3 июня 1803 г. К середине месяца вся территория курфюршества, включая устья рек Эльба и Везер, была в руках французов¹³.

Очередная неудача Пруссии в ганноверском вопросе имела для нее серьезные дипломатические последствия. Во-первых, ни о какой северогерманской нейтральной зоне отныне не могло быть и речи, Наполеон грубо нарушил демаркационную линию, и прусский король ничего не предпринял, чтобы его остановить. Во-вторых, в мае 1803 г. прусское правительство фактически пересмотрело саму концепцию нейтралитета, ограничив его исключительно границами своего государства. Это означало, что Пруссия отказывалась от роли защитника всей северной Германии, уступив свои

¹¹ Dwyer Ph. G. Prussia and the Armed Neutrality... P. 667.

¹² Riotte T. Op. cit. S. 113.

¹³ Stubbe da Luz H. "Franzosenzeit" in Norddeutschland (1803–1814). Napoleons Hanseatische Departements. Bremen, 2003. S. 60.

позиции Франции. В-третьих, пострадала и безопасность Пруссии: опасный противник находился непосредственно у ее границ. Наконец, серьезный урон был вновь нанесен международному престижу и авторитету Пруссии, которая оказалась неспособной защитить собственную сферу влияния. Действия Фридриха Вильгельма III могут показаться странными, однако определенная логика в них была. Король и его окружение рассчитывали, что французская оккупация Ганновера будет временной, рано или поздно Наполеону придется либо вернуть его Англии, либо передать Пруссии, тогда курфюршество можно будет аннексировать мирным путем. Владение Ганновером в результате силового захвата, без одобрения ведущих европейских держав, в первую очередь Франции, России и Великобритании, казалось Фридриху Вильгельму III неприемлемым. Курфюршество должно было достаться Пруссии только мирным путем и только в результате дипломатических переговоров. Как казалось прусскому правительству, лишь в таком случае никто не сможет оспорить право Пруссии владеть Ганновером. В декабре 1803 г. Наполеон даже пообещал прусскому королю, что не будет решать судьбу занятого им курфюршества без предварительных совещаний с прусским правительством¹⁴. Таким образом, в 1803 г. Пруссия не отказалась от своего участия в ганноверском вопросе, а лишь заняла выжидательную позицию.

Удобный момент появился осенью 1805 г., когда Европе грозила очередная война между Наполеоном и его противниками. Россия, Англия, Австрия и Швеция сформировали Третью коалицию, к которой также было предложено присоединиться и Пруссии, однако Фридрих Вильгельм III продолжал настаивать на сохранении нейтралитета. Параллельно прусское правительство вело переговоры с Наполеоном, пытаясь получить от него Ганновер, но безуспешно. Фридрих Вильгельм III оказался в сложной ситуации: члены Третьей коалиции, куда входила и Англия, не могли гарантировать ему овладение Ганновером, Наполеон же требовал за курфюршество непомерно высокую цену — полноценный альянс с Францией, окончание нейтралитета и войну с половиной Европы. Вес 1805 г. прусский король и его новый министр иностранных дел Карл Август фон Гарденберг, сумевший временно оттеснить графа Хаугвица на задний план, лавировали между коалицией и Наполеоном, испытывая колоссальное дипломатическое давление с обеих сторон. Ситуация кардинально изменилась в начале октября 1805 г., когда франко-баварские войска под командованием маршала Бернадота грубо нарушили прусский нейтралитет и без разрешения прошли по территории княжества Ансбах. Очередной афронт со стороны Наполеона глубоко возмутил прусского короля и заставил его принять сторону Третьей коалиции. По настоянию Гарденберга 25 октября 1805 г. герцог Брауншвейгский ввел прусские войска в оставленный Наполеоном Ганновер, при этом никаких санкций по отношению к Пруссии ни со стороны Наполеона, ни со стороны Великобритании не последовало. Гарденберг, выступавший за окончательный отказ от нейтралитета и полноценное присоединение к Третьей коалиции, организовал личную встречу Александра I и Фридриха Вильгельма III, она состоялась в тот же день в Берлине. 3 ноября была подписана Потсдамская конвенция, которая предусматривала вооруженное посредничество Пруссии между Наполеоном и Третьей коалицией. В случае отказа Наполеона принять требования коалиции Пруссия обязывалась в течение четырех недель объявить ему войну¹⁵. В ставку Наполеона был отправлен возвращенный из отставки граф Хаугвиц. Он должен был предъявить французскому императору основные требования Третьей коалиции: отказ от итальянской короны и вывод войск из Германии, Неаполя, Нидерландов и Швейцарии¹⁶.

¹⁴ *Bailieu P.* Preußen und Frankreich von 1795 bis 1807. Diplomatische Correspondenzen. Zweiter Teil (1800–1807). Leipzig, 1887. S. 316–317.

¹⁵ *Receuil des Traité et Conventions conclus par la Russie avec les puissances étrangères, publié d'ordre du Ministère des Affaires Etrangères par F. Martens. T. II. Traité avec l'Autriche. 1772–1808.* St. Pétersbourg, 1875. P. 486.

¹⁶ *Dwyer Ph.G.* The Rise of Prussia: 1700–1830. New York, 2013. P. 249.

Потсдамская конвенция носила половинчатый характер, так как она не предусматривала немедленного вступления Пруссии в войну против Наполеона, равно как и не гарантировала ей владение Ганновером. Россия и Австрия всего лишь обещали повлиять на Георга III и убедить его добровольно отказаться от курфюршества взамен на прусскую военную помощь. К тому же конвенция была заключена в то время, когда Третья коалиция терпела одни поражения. Наполеон уже успел разгромить Австрию и захватить Вену, а 2 декабря 1805 г. он наголову разбил своих врагов в сражении при Аустерлице. Когда граф Хаугвиц прибыл в Вену, Третья коалиция фактически распалась, посредничества Пруссии более не требовалось. 15 декабря 1805 г. Г.Х.А. Хаугвиц и французский министр иностранных дел Ш.М. Талейран подписали Шёнбруннский договор, который стал новым поворотным моментом во внешней политике Пруссии. Из участника Третьей коалиции она внезапно превратилась в союзницу Франции¹⁷. Пруссия, наконец, получила вождельный Ганновер, однако взамен должна была понести некоторые территориальные потери, а именно: уступить Ансбах Баварии, княжество Невшатель Франции, правобережную часть герцогства Клеве созданному Наполеоном Великому герцогству Берг¹⁸. Хаугвиц заключал Шёнбруннский договор без всякого согласования с Фридрихом Вильгельмом III, его условия стали полной неожиданностью для прусского короля. Более того, полным ходом шла военная мобилизация, прусское общество готовилось к войне с Францией, поэтому новость о заключенном альянсе в Берлине произвела эффект разорвавшейся бомбы. Окружение Фридриха Вильгельма III вновь раскололось: одни требовали немедленной ратификации Шёнбрунского договора, другие, в том числе Гарденберг, настаивали на его модификации¹⁹. Сомнения Фридриха Вильгельма III и его министров были вполне понятны: ратификация Шёнбрунского договора означала получение Ганновера из рук Наполеона и превращение Пруссии в его союзницу, т.е. отказ от политики нейтралитета и войну с Англией, Австрией и Россией. В середине января 1806 г. Хаугвиц вновь был отправлен в Париж к Наполеону с требованием трансформировать военный союз в оборонительный, а окончательное решение ганноверского вопроса временно отложить до заключения общеевропейского мира. Полагая, что Наполеон примет прусские предложения, Фридрих Вильгельм III отдал приказ о прекращении военной мобилизации, которая обошлась прусской казне в 5 млн талеров²⁰.

Однако Пруссию ожидало очередное дипломатическое поражение. 15 февраля 1806 г. Хаугвиц вынужден был заключить Парижский договор с Наполеоном, который содержал более жесткие условия. Теперь Пруссия не просто должна была оккупировать Ганновер, отдав взамен провинции Клеве, Ансбах и Невшатель, а обязана заблокировать устья Эльбы и Везера для английского судоходства и торговли²¹. Фридрих Вильгельм III допустил непростительную ошибку, отдав приказ о демобилизации армии, так как теперь он ничего не мог противопоставить Наполеону. 26 февраля 1806 г. король вынужден был ратифицировать Парижский договор. Прусские войска вновь оккупировали Ганновер, губернатором провинции был назначен граф Фридрих Вильгельм Шуленбург-Кенерт. Ответ британского правительства не заставил себя долго ждать: 6 апреля Великобритания наложила эмбарго на прусские товары, 20 апреля английский посол в Пруссии покинул Берлин, в мае английский флот начал масштабные атаки прусских торговых кораблей, а 11 июня последовало официальное объявление войны²².

¹⁷ Bernstein A.D. Op. cit. S. 71.

¹⁸ Recueil des traités de la France. T. II. 1803–1815. Paris, 1880. P. 144.

¹⁹ Hermann I. Hardenberg. Der Reformkanzler. Berlin, 2003. S. 201–202.

²⁰ Stamm-Kuhlmann Th. König in Preußens großer Zeit. Friedrich Wilhelm III., der Melancholiker auf dem Thron. Berlin, 1992. S. 204.

²¹ Recueil des traités de la France. P. 155.

²² The Hanoverian Dimension in British History. P. 80.

Возникает закономерный вопрос: почему ни первая прусская оккупация Ганновера в 1801 г., ни вторая осенью 1805 г. не вызвали такой бурной реакции со стороны англичан, как это произошло в апреле — июне 1806 г.? Очевидно, все дело было в условиях Парижского трактата. Во-первых, получая Ганновер из рук Наполеона, Пруссия фактически становилась его союзницей и признавала гегемонию Франции в Европе. Во-вторых, оккупация 1806 г. носила черты неправомерного акта агрессии, шедшего вразрез со всеми нормами международного права. Прикрыться мнимой французской угрозой и преподнести себя как защитника британских интересов на континенте Фридрих Вильгельм III уже не мог. В-третьих, блокирование рек Эльбы и Везера по требованию Наполеона наносило мощный удар по британской торговле в Европе. Закономерным итогом Парижского трактата стали война с Англией и резкое ухудшение отношений с Россией, Австрией и Швецией.

Несмотря на то, что третья по счету оккупация Ганновера пошла по самому невыгодному для Пруссии сценарию, она сильно повлияла на внешнеполитический курс королевства. Лишь весной 1806 г. Фридриху Вильгельму стало понятно, что с помощью политики нейтралитета, которую его государство проводило вот уже 11 лет, добиться поставленных внешнеполитических целей невозможно. Ради новых территориальных приобретений Пруссия должна была сделать выбор либо в пользу Наполеона, либо в пользу антифранцузской коалиции. Выбор Франции в качестве союзника не был окончательным, так как никаких гарантий относительно Ганновера Наполеон Пруссии не давал. Парижский трактат был крайне невыгодной сделкой: Пруссия уступала Клеве, Ансбах и другие княжества, которые никто у нее не оспаривал, взамен же получала спорную территорию, никем и ничем не гарантированную. Из всех прусских провинций Ганновер был самой уязвимой и незащищенной: либо его могли захватить англичане и их союзники, либо его мог потребовать назад сам Наполеон, ибо Пруссия владела курфюршеством только лишь с согласия французского императора. Фридрих Вильгельм III прекрасно понимал всю сложность ситуации, поэтому не делал ставку на одну лишь Францию, а вел с апреля 1806 г. секретные переговоры с Россией, преимущественно через отправленного в мнимую отставку Гарденберга²³. Неожиданные проблемы возникли и с интеграцией курфюршества в состав королевства: пруссаков в Ганновере не любили. При англичанах ганноверцы вели размеренную, спокойную и сытую жизнь, кичась своей связью с самой крупной колониальной империей в мире. Спокойно была встречена и французская оккупация, так как все понимали, что она временная и курфюршество рано или поздно вернется под власть Георга III. А вот прусская оккупация была принята в Ганновере в штыки, так как жителям провинции было понятно, что пруссаки пришли навсегда. Милитаризованная абсолютистская Пруссия, конечно же, пользовалась дурной репутацией у ганноверцев в отличие от либеральной Великобритании²⁴. Прусскому правительству так и не удалось склонить общественное мнение в Ганновере в свою пользу.

Ганноверский вопрос вновь обострился поздним летом 1806 г. В начале августа до Берлина стали доходить слухи о намерении Наполеона заключить мир с Россией и Великобританией за счет Пруссии. В ночь с 5 на 6 августа 1806 г. Фридрих Вильгельм III получил сообщение от прусского посла в Париже маркиза Луккезини, что Бонапарт якобы намеревается отобрать Ганновер у Пруссии и вернуть его Великобритании взамен на заключение с ней мирного договора²⁵. Лишь теперь король осознал, насколько ненадежна его власть в столь вожделенной провинции. Реакция со стороны прусского правительства последовала незамедлительно: 9 августа 1806 г. Фридрих Вильгельм III отдал приказ об очередной мобилизации для противостояния Франции²⁶. Так был сделан первый шаг к катастрофическому поражению под Йеной и Ауэрштедтом два месяца спустя,

²³ *Simms B.* Op. cit. P. 256.

²⁴ *Tschirch O.* Geschichte der öffentlichen Meinung in Preußen im Friedensjahrzehnt vom Baseler Frieden bis zum Zusammenbruch des Staates. Bd. II. Weimar, 1933. S. 258.

²⁵ *Frehland-Wildeboer K.* Treue Freunde? Das Bündnis in Europa 1714–1914. München, 2010. S. 184.

²⁶ *Bringmann W.* Preußen im Jahr 1806. Jena und Auerstedt. Stuttgart, 2019. S. 148.

которое поставило прусское государство на грань уничтожения. Может показаться странным, почему прусский король решил окончательно порвать с Наполеоном и перейти на сторону антифранцузской коалиции, основываясь лишь на слухах о возможной потере Ганновера. Однако скоропалительное решение Фридриха Вильгельма III о военной мобилизации имело под собой определенные основания. Ради приобретения Ганновера Пруссия пошла на большие жертвы: отказалась от сферы влияния в северной Германии, гарантированной ей Базельским миром 1795 г., допустила концентрацию французских вооруженных сил на своей западной границе, уступила ряд территорий, ввязалась в невыгодную войну с Великобританией, понесла репутационные потери и в конечном счете оказалась в дипломатической изоляции. Любые намеки на то, что Наполеон может вернуть Ганновер британцам, означали, что все эти жертвы были принесены напрасно. Только в начале августа 1806 г. Фридрих Вильгельм III окончательно осознал, что не сможет решить ганноверский вопрос дипломатическим путем и политической нейтралитета, поэтому им был сделан выбор в пользу войны. Однако отстоять курфюршество военным путем пруссакам также не удалось: в ноябре 1806 г. Ганновер в очередной раз был оккупирован французскими войсками. К этому моменту основные прусские силы уже были разбиты под Йеной и Ауэрштедтом, Берлин оказался в руках Наполеона, а прусское правительство бежало в Восточную Пруссию.

Ганноверский вопрос сыграл важную роль в судьбе прусского государства. В начале XIX в. правительство Пруссии так и не смогло решить эту проблему, в первую очередь потому, что оно делало ставку исключительно на дипломатию и политику лавирования между Францией, Великобританией и Россией. Попытки получить гарантии относительно Ганновера как от Наполеона, так и от антифранцузской коалиции привели в конечном счете к вооруженному конфликту с Великобританией и Францией. После военной катастрофы под Йеной и Ауэрштедтом в октябре 1806 г. прусское правительство более не будет предъявлять свои претензии на Ганновер. К примеру, Калишский русско-прусский союзный договор от 28 февраля 1813 г., оформивший Шестую коалицию против Франции, предусматривал восстановление Пруссии в границах октября 1806 г., но строго без Ганновера, который предполагалось вернуть Великобритании²⁷. На Венском конгрессе 1814–1815 гг. прусское правительство также не станет требовать аннексии Ганновера, объектом притязаний станет оккупированная прусскими войсками Саксония. Сам же Ганновер будет восстановлен союзниками в 1814 г. в качестве королевства, при этом в 1837 г. с восшествием на английский престол королевы Виктории уния с Великобританией будет разорвана²⁸. Международная гарантия ганноверского суверенитета, разрыв личной унии с британскими монархами, а также прекращение англо-французского конфликта в Европе положат конец ганноверскому вопросу как международной проблеме. Пруссии все же удастся аннексировать Ганновер в 1866 г. в результате войны с Австрией и ее союзниками²⁹, однако произойдет это в совершенно иных, гораздо более выгодных для нее условиях.

Несмотря на то, что ганноверский вопрос потерял свою актуальность после поражения Пруссии в войне с Францией в 1806 г., он все же имел далеко идущие последствия для прусского внешнеполитического курса. Свою полную несостоятельность доказала политика нейтралитета, которая так и не спасла Пруссию от участия в европейских войнах. Фридрих Вильгельм III также отказался от политики лавирования между Наполеоном и его противниками: в 1812 г. Пруссия вынужденно станет союзницей Франции, но при первой же удобной возможности в феврале — марте 1813 г. перейдет на сторону

²⁷ Corpus Juris Confoederationis Germanicae oder Staatsacten für Geschichte und öffentliches Recht des Deutschen Bundes. Erster Theil. Staatsverträge / hg. von Ph.A.G. von Meyer. Frankfurt am Main, 1858. S. 137.

²⁸ Harding N. Op. cit. P. 278.

²⁹ Schubert E. 1866 und die Folgen: Die Schlacht von Langensalza und der Untergang des Königreichs Hannover // Der lange Abschied: das Ende des Königreichs Hannover 1866 und die Folgen / hg. von A. Drews, R. Egge. Göttingen, 2009. S. 10–32.

коалиции. Прусское правительство также откажется от исключительно дипломатических методов достижения внешнеполитических целей, так уже во время заседания Венского конгресса Пруссия будет готова применить силу, чтобы аннексировать Саксонию или хотя бы ее часть³⁰. Ни к ганноверскому вопросу, ни к политике нейтралитета после 1806 г. Пруссия больше не вернется.

Библиография / References

- Bailieu P.* Preußen und Frankreich von 1795 bis 1807. Diplomatische Correspondenzen. Zweiter Teil (1800–1807). Leipzig, 1887.
- Bernstein A.D.* Von der Balance of Power zur Hegemonie. Ein Beitrag zur europäischen Diplomatiegeschichte zwischen Austerlitz und Jena/Auerstedt 1805–1806. Berlin, 2006.
- Bringmann W.* Preußen im Jahr 1806. Jena und Auerstedt. Stuttgart, 2019.
- Corpus Juris Confoederationis Germanicae oder Staatsacten für Geschichte und öffentliches Recht des Deutschen Bundes. Erster Theil. Staatsverträge / hg. von Ph.A.G. von Meyer. Frankfurt am Main, 1858.
- Dwyer Ph.G.* Prussia and the Armed Neutrality: The Invasion of Hanover of 1801 // *The International History Review*. 1993. Vol. 15. № 4. P. 661–687.
- Dwyer Ph.G.* The Rise of Prussia: 1700–1830. New York, 2013.
- Dwyer Ph.G.* Two Definitions of Neutrality: Prussia, the European State-System, and the French Invasion of Hanover in 1803 // *The International History Review*. 1997. Vol. 19. № 3. P. 522–540.
- Frehland-Wildeboer K.* Treue Freunde? Das Bündnis in Europa 1714–1914. München, 2010.
- Gall L.* Hardenberg. Reformier und Staatsmann. München, 2016.
- Göse F.* Friedrich I. Ein König in Preußen. Regensburg, 2012.
- Harding N.* Hanover and the British Empire 1700–1837. Woodbridge, 2007.
- Hermann I.* Hardenberg. Der Reformkanzler. Berlin, 2003.
- Hornung K.* Scharnhorst. Soldat – Reformier – Staatsmann. Ein Lebens- und Zeitbild. Gilching, 2013.
- Kathe H.* Der Soldatenkönig: Friedrich Wilhelm I., 1688–1740, König in Preussen: eine Biographie. Köln, 1981.
- Kittstein L.* Politik im Zeitalter der Revolution. Untersuchungen zur preußischen Staatlichkeit 1792–1807. Stuttgart, 2003.
- Lange S.* Preußens asymmetrische Herausforderung – preußische Politik und Armee am Vorabend der Schlacht bei Jena und Auerstedt // Jena 1806: Vorgeschichte und Rezeption / hrsg. von K.-H. Lutz, M. von Salisch. Potsdam, 2009. S. 15 – 31.
- Lentz Th.* 1815. Der Wiener Kongress und die Neugründung Europas. München, 2014.
- Receuil des traité et Conventions conclus par la Russie avec les puissances étrangères, publié d'ordre du Ministère des Affaires Etrangères par F. Martens. T. II. Traité avec l'Autriche. 1772–1808. St. Pétersbourg, 1875.
- Riotte T.* Hannover in der britischen Politik (1792–1815). Dynastische Verbindung als Element außenpolitischer Entscheidungsprozesse. Münster, 2005.
- Schroeder P.W.* The Transformation of European politics. 1763–1848. Oxford, 1994.
- Schubert E.* 1866 und die Folgen: Die Schlacht von Langensalza und der Untergang des Königreichs Hannover // Der lange Abschied: das Ende des Königreichs Hannover 1866 und die Folgen / hg. von A. Drews, R. Egge. Göttingen, 2009. S. 10–32.
- Simms B.* The Impact of Napoleon. Prussian High Politics, Foreign Policy and the Crisis of the Executive, 1797–1806. Cambridge, 1997.
- Stamm-Kuhlmann Th.* König in Preußens großer Zeit. Friedrich Wilhelm III., der Melancholiker auf dem Thron. Berlin, 1992.
- Stubbe da Luz H.* “Franzosenzeit” in Norddeutschland (1803–1814). Napoleons Hanseatische Departements. Bremen, 2003.
- The Hanoverian Dimension in British History, 1714–1837 / eds B. Simms, T. Riotte. Cambridge, 2007.
- Tschirch O.* Geschichte der öffentlichen Meinung in Preußen im Friedensjahrzehnt vom Baseler Frieden bis zum Zusammenbruch des Staates. Bd. II. Weimar, 1933.

³⁰ *Lentz Th.* 1815. Der Wiener Kongress und die Neugründung Europas. München, 2014. S. 153–154.